

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО АКЦИОНЕРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

(закон 1836 г.)

Политика царизма в области акционерного учредительства еще не стала предметом специального изучения. Не составляет исключения в этом отношении и акционерное законодательство.¹ Между тем изучение истории этого законодательства имеет большое научное значение, которое определяется двумя обстоятельствами.

Прежде всего — экономической и социальной ролью акционерных компаний как основной формы организации капиталистических предприятий. Природа акционерных компаний и их роль в развитии капиталистического способа производства были впервые раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом,² а для периода империализма — В. И. Лениным.³ В России к началу первой мировой войны и особенно накануне Октябрьской революции акционерная форма организации капиталистических предприятий господствовала во всех отраслях народного хозяйства, послужив основой для формирования монополистических организаций, образования финансового капитала, складывания государственно-монополистических отношений.

Научное значение изучения акционерного законодательства определяется также важной ролью, которая принадлежала ему

¹ Библиография вопроса практически исчерпывается вышедшей еще в начале XX в. книгой А. И. Каминки «Акционерные компании. Юридическое исследование» (т. I, СПб., 1902). История акционерного законодательства излагается в ней схематично, причем под узко юридическим углом зрения (стр. 372—380), на основании ретроспективных данных одного из дел Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, относящегося к 1856 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. 1) Капитал. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 641—642; т. 25, ч. I, стр. 479—482; т. 25, ч. II, стр. 485; 2) Анти-Дюринг. Соч., т. 20, стр. 288—290, 672—675.

³ В. И. Ленин. 1) Проект и объяснение программы социал-демократической партии. ПСС, т. 2, стр. 98; 2) Рост капиталистического богатства. ПСС, т. 23, стр. 185; 3) Неминуемая катастрофа и безмерные обещания. ПСС, т. 32, стр. 109; 4) Тетради по империализму. ПСС, т. 28, стр. 170—171.

в акционерной политике царизма. Вплоть до Октябрьской революции в России сохранялась так называемая концессионная (разрешительная) система учреждения акционерных компаний. В отличие от явочной системы ею предусматривалась особо строгая регламентация возникновения и деятельности акционерных компаний как посредством общего законодательства, так и отдельных законодательных актов — уставов отдельных компаний.

Закон 6 декабря 1836 г., о котором идет речь в настоящей статье, не только первый в России, но и основной вплоть до Октябрьской революции законодательный акт, определявший общий порядок учреждения и деятельности акционерных компаний. Несмотря на многочисленные попытки пересмотреть и изменить этот закон, он продолжал действовать в течение более 80 лет, обрстая лишь дополнениями и разъяснениями.

О предыстории и обстоятельствах разработки этого закона в литературе никаких данных нет. Даже в юбилейных изданиях, посвященных столетию деятельности Государственного совета и Министерства внутренних дел, принимавших деятельное участие в подготовке закона 1836 г., о нем ничего не сообщается. Исключение составляет лишь юбилейное издание Министерства финансов, в котором содержится краткое сообщение о разработанном министерством проекте этого закона. Единственным источником являются делопроизводственные (ныне архивные) материалы учреждений, имевших отношение к созданию акционерного закона, и прежде всего Государственного совета.⁴ Все эти материалы хорошо сохранились. Однако некоторые важные документы, к сожалению, в делах отсутствуют. Отсутствует, например, один из последних проектов закона, содержание которого оказывается необходимым выяснять косвенным путем. Ввиду его важности законопроекту придавалось, как будет показано в дальнейшем, большое значение. Борьба мнений, разгоревшаяся вокруг законопроекта, представляет не только частный, но и некоторый общий интерес. Это было одно из первых в России XIX столетия открытых обсуждений в верхах вопроса о задачах и путях промышленного развития страны.

К середине 1830-х годов в России действовало уже десять акционерных компаний, включая Российско-Американскую компанию, учрежденную еще в 1799 г. В 1822 г. после длительного перерыва возникла вторая компания (Общество первоначального

⁴ Основными видами документов Государственного совета являются журналы заседаний его департаментов и Общего собрания и *мемории* (документы, в форме которых содержание журналов представлялось на утверждение императора). Подлинные журналы и мемории хранились обособленно (в ЦГИА первые образуют фонд № 1160, вторые — № 1159). В соответствующие же дела попадали их копии. При ссылках в последующем на эти документы в подстрочных примечаниях указываются двойные архивные шифры: сначала шифр копии, затем шифр подлинника (в скобках).

страхового заведения транспортов), а в 1827 г. — третья и самая удачливая — Первое страховое от огня общество. В 1833 г. была учреждена еще одна компания (Общество минеральных вод), в 1835 г. — уже четыре (Общество освещения газом Петербурга, Общество застрахования пожизненных доходов и капиталов, Второе страховое от огня общество и Общество Российской бумагопрядильной мануфактуры), и в 1836 г. — две (Общество Царско-сельской железной дороги и Общество Царевской ситцевой мануфактуры).⁵

Поскольку учреждение каждой из возникших компаний связывалось с предоставлением ей определенных привилегий и преимуществ, сложился следующий порядок рассмотрения дел об их учреждении (утверждении их уставов). Вопрос об учреждении компаний, связанный с просьбой «о привилегиях на какие-либо изобретения или усовершенствования в искусствах, мануфактурах и ремеслах», после рассмотрения его в соответствующем министерстве, решался Государственным советом.⁶ Дела о компаниях, в отношении которых испрашивалось лишь разрешение на их учреждение «с воспрещением подобных в продолжении известного времени», подлежали разрешению в Комитете министров. При этом Комитетом фактически рассматривались дела тех компаний, предприятия которых «не представляли сомнений в отношении успеха по известности дела».⁷

Полной ясности в том, кем и в каком порядке должны рассматриваться дела об учреждении акционерных компаний, все же не было. В последующем Комитет министров констатировал, что до середины 1830-х годов «по неопределенности закона и самое применение оного было разнообразно».⁸

Поэтому 11 июня 1835 г. на заседании Комитета министров был поднят вопрос о том, «в каком именно порядке при умировившихся ныне делах сего рода должны быть рассматриваемы представления об учреждении разных обществ на акциях и даровании им привилегий». Поскольку «постановление единообразных для сего правил, составляя предмет нового закона, выходит из круга действий Комитета», ставился вопрос о необходимости разработки этих правил в Государственном совете.⁹

⁵ Список акционерным обществам и товариществам на паих. ЦГИА, ф. 1149, т. VII, 1867 г., д. 96, л. 54.

⁶ В соответствии со Сводом постановлений о фабричной, заводской и ремесленной промышленности — см.: Продолжение Свода законов Российской империи. 1832 и 1833 годы. СПб., 1834, Статьи к 11 тому Свода, ч. III, ст. 96 и 97.

⁷ На основании положений Комитета министров от 25 мая 1820 г. и 14 октября 1830 г. (ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 990, лл. 266—267, 269; д. 206, лл. 301—305; д. 655, лл. 106—107).

⁸ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 990, л. 268.

⁹ Там же, лл. 268, 314 об.—315.

Выписка из утвержденного императором журнала Комитета министров от 11 июня¹⁰ была рассмотрена совместно двумя департаментами Государственного совета — Законов и Государственной экономии («соединенными департаментами») 4 октября 1835 г. С полным пониманием отнесясь к мнению Комитета министров, Государственный совет с самого начала поставил «вопрос о том, не должно ли вместе с определением порядка рассмотрения дел о частных компаниях на акциях постановить в то же время и положительные правила, на коих впредь надлежит допускать самое учреждение таковых компаний и предоставлять им исключительные привилегии».¹¹ На этот вопрос давался положительный ответ. Не ограничиваясь этим, департаменты наметили основные «Начала», на которых должен был основываться будущий закон.¹²

В первых трех разделах обосновывалось мнение о необходимости для законодателя различать предприятия, представляющие и «не представляющие особенного повода к сомнению в успехе».¹³ «Нельзя не согласиться, — указывали далее департаменты, — что все предприятия возникают более или менее из побуждений личной выгоды; но не менее того на беспристрастном суде правительства должны иметь преимущественное право те из них, которых предметом не один оборот капиталов, а вместе прочная польза для государства. Таковы предприятия, коих цель усовершенствовать и развить ту или другую ветвь фабричной и заводской промышленности, либо облегчить внутренние сообщения, распространить круг торговли, раскрыть источники произведений земли и дать занятия большому числу рук».¹⁴ Не подлежали разрешению компании, «могущие ослабить и даже прекратить какой-либо привычный и по обстоятельствам необходимый промысел, которым занимается большое число народа и который составляет исключительное средство содержания и единственный способ к платежу государственных повинностей».¹⁵ «Достоинство правительства, — говорилось в «Началах», — требует, чтобы оно было дальновиднее частных лиц и не допускало предприятие прежде нежели приобретена будет достоверность, что оно может совершиться с выгодой и без раззорения вкладчиков».¹⁶ В четвертом разделе обращалось внимание на необходимость предусмотреть меры, исключаящие злоупотребления со стороны учредителей (хотя их «справедливое право» на «преимущества и особые выгоды» не отрицалось), устанавливающие строгую отчетность компаний, а также обеспечивающие возможность «к сво-

¹⁰ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 2—4.

¹¹ Там же, л. 18 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 70, л. 293).

¹² Там же, лл. 22—32 (там же, лл. 296—305).

¹³ Там же, л. 22 (там же, л. 296 об.).

¹⁴ Там же, л. 23 об. (там же, л. 297).

¹⁵ Там же, л. 24 (там же, лл. 297 об.—298).

¹⁶ Там же, л. 26 об. (там же, л. 299 об.).

бодному участию» в учреждаемых компаниях «для каждого». Относительно возможности злоупотреблений со стороны учредителей указывалось, что «весьма важным ограждением для публики должно служить еще то условие, чтобы в числе учредителей были единственно лица, пользующиеся известностью и доверием, ибо на сем преимущественно основаны быть могут вся надежда успеха предприятия, все обеспечение акционеров и все доверие правительства и частных лиц».¹⁷ Далее подчеркивалась опасность стеснения предпринимательской деятельности предоставлением отдельным компаниям исключительных привилегий (раздел пятый). «Всякая привилегия есть некоторый род монополии», — указывалось в «Началах». Она «сопряжена более или менее с стеснением для прочих, ибо лишает их свободы действовать на том же поприще... и удаляет всякое побуждение к усовершенствованию объятых привилегиею учреждений».¹⁸ В двух последних разделах предлагалось дела об учреждении акционерных компаний предварительно рассматривать в том ведомстве, куда в соответствии с родом деятельности компании поступило прошение об ее учреждении. Окончательному рассмотрению эти дела подлежали в Комитете министров или, если «испрашиваются исключительные привилегии», — в Государственном совете. Устав каждой компании подлежал утверждению императора и, следовательно, должен был представлять собой самостоятельный законодательный акт.¹⁹

Департаментами Законов и Государственной экономики предлагалось поручить министрам внутренних дел и финансов, руководствуясь изложенными «Началами», разработать «проект общего о привилегиях на предприятия закона».²⁰ До его издания рассмотрение дел об учреждении отдельных компаний откладывалось.²¹

28 октября 1835 г. заключение департаментов было рассмотрено и целиком одобрено в Общем собрании Государственного совета, мнение которого 20 ноября было утверждено царем.²²

¹⁷ Там же, лл. 27 об.—28 об. (там же, л. 301).

¹⁸ Там же, л. 29 об. (там же, л. 302).

¹⁹ Там же, л. 32 (там же, лл. 303—305).

²⁰ Там же, л. 34 (там же, л. 306 об.).

²¹ Там же, лл. 56—59. — При утверждении мемории Государственного совета по этому поводу Николай I распорядился сделать исключение для трех компаний, проекты учреждения которых по его повелению уже находились на рассмотрении Министерства внутренних дел. Компании эти имели целью устройство водопровода в Петербурге, постройку «паромных пароходов для распилки льда и провода судов в российские гавани», и страхование грузов, транспортируемых по внутренним водным путям сообщения. В резолюции царя указывалось: «Сии три проекта рассмотреть без отлагательства как вещь весьма полезную» (ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 82, л. 323 об.).

²² ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 82, лл. 313—323 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 70, лл. 307—308).

Поводом для постановки Комитетом министров и Государственным советом вопроса о необходимости разработки общего положения о порядке учреждения акционерных компаний послужило представление Министерства внутренних дел о разрешении основать компанию для введения в России «паровых экипажей, движущихся по обыкновенным дорогам».²³ Само по себе это дело вызывало сомнения. Во-первых, соискателями выступали одновременно две конкурирующие группы капиталистов. Во-вторых, сомнительными представлялись техническая и коммерческая возможности предприятия. В-третьих, возникало опасение, что, с одной стороны, предоставление 10-летней привилегии, о которой просили учредители, сделает невозможным совершенствование транспортировки грузов другими предпринимателями, а с другой стороны, по мнению Государственного совета, — может иметь пагубные последствия для извозного промысла, «чем промышленяет особый класс народа и большое число крестьян в местностях, убогих землей и скудных способами заработка. Прекращение сего промысла . . . естественно привело бы к неблагоприятным последствиям. . .».²⁴

Более важно выяснить причины постановки вопроса о разработке общего акционерного законодательства. Как указывалось, к этому периоду относится значительное по тем временам усиление акционерного учредительства. В 1835 г. открыли действия четыре из восьми существовавших в стране компаний. На рассмотрении в правительственных учреждениях в том же году находилось еще шесть дел.²⁵ Возможно, имелись сведения о готовящихся новых обращениях об учреждении компаний. Не случайно в упоминавшемся журнале Комитета министров от 11 июня 1835 г. указывалось, что число дел об учреждении компаний «умножилось». В представлении Министерства внутренних дел в Комитет министров от 4 июня того же года также отмечается оживление предпринимательской деятельности в tone, который нам представляется чрезмерно оптимистическим («По замечательному распространению у нас в последнее время промышленной предприимчивости. . .»)²⁶

²³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 5—17.

²⁴ Там же, л. 24 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 70, л. 298).

²⁵ 31 октября и 7 ноября 1835 г. министр внутренних дел ставил исполняющего обязанности государственного секретаря М. А. Корфа в известность о том, что, помимо дела об учреждении компании для введения в России паровых экипажей, в Министерстве внутренних дел находились дела об образовании еще четырех акционерных предприятий: трех, указанных в примечании 21, и четвертого — компании для освещения газом Москвы и фабричных заведений Московской губернии (ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 37, 38). По крайней мере одно дело находилось на рассмотрении Министерства финансов (ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, л. 41).

²⁶ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, л. 11 об.

Одной из причин активизации в этот период предпринимательской деятельности вообще и акционерного учредительства в особенности было понижение с 1830 г. процентов, которые уплачивались государственными кредитными учреждениями по вкладам, с 5 до 4. Для вкладчиков оказывалось выгодным изъять свои средства из банков и искать более доходное помещение их в коммерческие предприятия. Далеко не все из них имели возможность основать собственные предприятия. Но принять участие в акционерных компаниях оказывалось возможным для всех. Значение этого факта для оживления акционерного учредительства отмечается всеми источниками. При рассмотрении в Государственном совете вопроса о понижении процентов по вкладам указывалось: «Ожидать можно, что желание лучших выгод устремит капиталы на полезные предприятия, деятельное движение их возбудит торговлю и промышленность и возвысит цену недвижимых имений».²⁷ В 1847 г. «Современник» также отмечал: «Оживлению его (акционерного учредительства, — *Л. Ш.*) много способствовало уменьшение в 1830 г. банковых процентов с 5 до 4 на сто, заставившее капиталы искать выгоднейшего употребления в разных отраслях промышленности. Стремление к акционерным компаниям вскоре усилилось до такой степени, что лишь только замышлялось какое-нибудь предприятие, акции его были с жадностью разбираемы и число желающих участвовать в нем своими капиталами нередко превышало определенный для них размер».²⁸

Осознавалось и общезакономерное значение, какое могли иметь акционерные предприятия. И в заключении Соединенных департаментов, и в утвержденной царем мемории об обсуждении вопроса в Общем собрании Государственного совета отмечалось: «Нет, конечно, сомнения, что в видах государственных нельзя не желать распространения у нас общепользных, совершаемых частными компаниями предприятий как средств, возбуждающих движение народных капиталов и дающих им более или менее выгоднейшее направление, и вместе как источников разумных улучшений в государственстве, совершаемых без всяких пожертвований со стороны казны, — источников, которым во Франции, Англии и Америке обязаны существованием своим важные каналы, усовершенствованные дороги и проч.»²⁹ Вместе с тем членами Государственного совета высказывалось опасение, что учреждение акционерных компаний («не огражденных положительным законом от покушений своекорыстных») может привести к таким нежелательным, но свойственным им последствиям, как биржевые кризисы и ажиотаж. Результатом их могло быть не только

²⁷ ЦГИА, ф. 1148, т. I, 1829 г. (Чрезвычайное общее собрание), д. 1, л. 91.

²⁸ Современник, 1847, т. V, разд. IV, стр. 1.

²⁹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 20 об.—21, 42 (ф. 1160, оп. 2, д. 70, л. 295); ф. 1159, оп. 1, д. 82, л. 312 об.

разорение мелких акционеров («огромного числа легковых любителей»), но и «безуспешность цели предприятия, подвигшей правительство на дарование привилегии, недоверие публики, потеря кредита и охлаждение возрождающейся благонамеренной предприимчивости». Последнее вызывало особое беспокойство.³⁰ Из всего этого делался вывод о необходимости тщательной правительственной регламентации акционерного учредительства.

Возможно, что вопросы акционерного законодательства и не привлекли бы на этот раз такого внимания Государственного совета, если бы за несколько месяцев перед тем члены Совета не имели возможности более близко познакомиться с предметом. Дело в том, что 27 марта 1835 г. один из учредителей возникшего в этом же году Второго российского страхового от огня общества (устав утвержден 6 марта 1835 г.) небезызвестный граф А. Х. Бенкендорф в письме на имя статс-секретаря барона М. А. Корфа предложил 500 (из 20 тыс.) акций общества на сумму 125 тыс. руб. распределить (продать) среди членов Государственного совета.³¹ К 1 апреля на 350 акций, предложенных членам Совета, поступило почти в три раза больше требований — 960, а на 95 акций, предназначавшихся чиновникам Государственной канцелярии, — более чем в девять раз больше — 866 (в первом случае число подписчиков составляло 23, во втором — 36).³² Пришлось организовать разверстку, результаты которой были официально утверждены Корфом.³³ Опыт деятельности основанного восемь лет назад Первого страхового от огня общества вселял в государственных мужей надежду, что уже через несколько лет их расходы окупятся полностью. Названное общество имело «самый блистательный успех» «из всех акционерных обществ, существующих в России». Средний дивиденд его за 20 лет составил 45%.³⁴ Стремление разделить счастливую судьбу Первого страхового от огня общества нашло отражение в самом названии Второго.

Сразу же после обсуждения заключения департаментов Законов и Государственной экономии в Общем собрании Государственного совета выяснилось, что еще ранее вопрос о необходимости законодательной регламентации акционерного учредительства рассматривался в Министерстве финансов и Коммерческом совете и был даже разработан соответствующий законопроект,

³⁰ Там же, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 21—22 (ф. 1160, оп. 2, д. 70, лл. 295 об.—296).

³¹ ЦГИА, ф. 1162, т. XVI, 1835 г. (Отделение дел гос. секретаря), д. 3, л. 2.

³² Там же, лл. 28—30. — Куда делись недостающие 55 акций, осталось неясным. Возможно, они были приобретены самим М. А. Корфом.

³³ Среди подписавшихся членов Государственного совета были министр внутренних дел Д. Н. Блудов, М. М. Сперанский и др. (там же, л. 28).

³⁴ Современник, 1847 г., т. V, разд. IV, стр. 3.

заглавленный «Правила об обществах на акциях».³⁵ Подготовка этих «Правил», как объяснял министр финансов Е. Ф. Канкрин в письме министру внутренних дел Д. Н. Блудову от 1 ноября 1835 г., была вызвана явственными признаками зараждающегося биржевого ажиотажа с акциями и вокруг учреждаемых компаний.³⁶ На это направление проекта Министерства финансов указывается и в официальной истории министерства за столетие его деятельности: целью проекта было «прекращение ажиотажа, не только по многим видам вредного для публики, ибо отвлекает капиталы от прежних производительных занятий и распространяет дух игры вместо духа полезных предприятий, но имеющего последствием, что делаются предположения о компаниях единственно для ажиотажа».³⁷ Таким образом, то, что Государственным советом рассматривалось лишь как нежелательная возможность, Министерством финансов расценивалось как реальность, как совершившийся факт, заставляющий его учить.

«Правила» подразделялись на 27 параграфов и были снабжены примечаниями на полях, объясняющими «причины предполагаемых постановлений».

В § 1 заявлялось, в частности, что «согласие правительства на учреждение общества на акциях дается только в таком случае, если... успех предполагаемого предприятия имеет значительную степень вероятия». В противоречии с «Началами» далее разъяснялось, однако, что «согласие правительства не заключает в себе какого-либо ручательства за успех предприятия». Чтобы «избежать монополии», § 2 ограничивал предоставление компаниям каких-либо исключительных прав лишь случаями, «если предприятие особенно полезно и без временной привилегии существовать не может». В § 23 дополнительно отмечалось, что «общества не должны требовать привилегии», особенно в ущерб другим предприятиям и отечественной промышленности в целом. В § 3 учредителям предоставлялось право приобретать до 20% всех акций. Как объяснялось в примечании, этим имелось в виду связать их интересы с интересами компании в целом. Согласно §§ 17 и 21, учредители могли приобрести также часть акций, оказавшуюся не реализованной среди публики. Никаких особых требований к личности учредителей проектом не предъявлялось. В первоначальном варианте текст § 3 имел продолжение, согласно которому ограничение права учредителей владеть акциями (до 20%) не распространялось «на могущие быть выпуски дополнительных акций». Возможность дополнительных выпусков

³⁵ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, лл. 7—19.

³⁶ Там же, л. 6. — Письмо начиналось словами: «Частые жалобы, доходившие до меня на вредный ажиотаж акциями на бирже и поступившие ко мне разные проекты, одобрения не заслуживающие, побудили меня...» и т. д.

³⁷ Министерство финансов. 1802—1902 гг. СПб., 1902, ч. 1, стр. 345.

акций в этом параграфе предусматривалась впервые; будучи вычеркнутым при редактировании «Правил» в Министерстве финансов, это положение в последующем выпало из внимания законодателей, что явилось причиной серьезных трудностей при окончательном согласовании законопроекта.

Так же как и Государственный совет (в его «Началах»), Министерство финансов как бы исходило из того, что возможность приобретения акций есть известная привилегия, воспользоваться которой имеют право все желающие. Поэтому внимание было обращено лишь на то, чтобы обеспечить возможно более широкое распространение акций. Впоследствии Е. Ф. Канкрин разъяснял, что в «публичной раздаче акций» он видел способ «предупреждения величайшего зла, то есть затенения компаний единственно для первоначального ажиотажа».³⁸ Никаких отрицательных последствий возможно широкого распространения акций на этой стадии акционерного законодательства не осознавалось. Поэтому устанавливалась лишь максимальная цена акций — 1000 руб. (§ 5). В ряде последующих параграфов (6—16, 18—20) в деталях предусматривалась процедура реализации акций. Так, объявление об этом акте должно было печататься в газетах за 60 дней, «чтобы могли участвовать в губерниях». Должно было устанавливаться наибольшее количество акций, которое могло быть приобретено одним лицом. Предусматривалась возможность присылки требований на акции по почте (для иногородних), а также приобретения части акций правительством (§ 7).³⁹ В случае, если число требований на акции превысит их количество, они подлежали пропорциональной разверстке. Стоимость акций оплачивалась лишь при их получении (§ 16). Согласно § 18 каждая акция подлежала внесению в особую книгу компании, где указывался ее номер и имя владельца. Однако одним из пунктов § 22 предусматривалась возможность выпуска акций и на предъявителя, что могло иметь весьма важное значение при их реализации и собирании основного капитала компаний, а также для финансового положения предприятий в последующем. Компания, акции которой не будут разобраны полностью, рассматривалась как не состоявшаяся (§ 21).

В § 22 перечислялись («дабы ничего существенного не могло быть упущено») вопросы, которые должны были быть обязательно отражены в уставе («плане») компании. Среди них: срок существования компании, права акционеров и ответственность директоров, порядок управления делами предприятия, порядок выплаты дивиденда и образования запасного капитала и т. д. Одним из пунктов предусматривалась возможность оплаты акций

³⁸ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 319, л. 26 об.

³⁹ Случаи приобретения правительством части акций в долях поддержки тех или иных акционерных компаний действительно имели место, в частности и до этого времени (ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 945, лл. 1, 9—15).

либо полностью, либо по частям. В § 24 определялись ведомства (министерства), которые должны были в соответствии с отраслью деятельности компаний предварительно рассматривать дела об их учреждении. Там же министрам и главноуправляющим запрещалось «участвовать» в компаниях, «по их ведомству учрежденных». В следующем параграфе определялось, что вопрос об учреждении компаний, «кои просят одного дозволения на какое-либо предприятие без исключительных прав», подлежит разрешению в Комитете министров, а «прочих» — в Государственном совете.

Важная роль принадлежала § 26 (на полях примечание: «Сие постановление весьма важно...»). Именно он был непосредственно направлен против ажиотажа. При его составлении (как видно из того же примечания) учитывался и опыт французского законодательства, и заключение Коммерческого совета. «Продажа и покупка наличных (акций, — *Л. III.*) по вольной, в то же время определенной, цене» разрешалась «свободно на бирже и частным порядком». (Если объектом сделки были именные акции, изменение владельца должно было отмечаться в книге компании). Вместе с тем «всякое условие о поставке на срок по определенной цене акций или всякая сделка, подобную цель биржевой игры имеющая», воспрещались и объявлялись недействительными.

Не дожидаясь утверждения мнения Государственного совета императором, министр финансов Е. Ф. Канкрин поторопился («для выигрыша времени») 1 ноября 1835 г. направить свой проект «Правил об обществах на акциях» министру внутренних дел Д. Н. Блудову.⁴⁰ Предварительно, однако, как сообщалось в сопроводительном письме, проект был отредактирован в соответствии «с прослушанным заключением Соединенных департаментов».⁴¹ Поспешность была вызвана, по-видимому, стремлением Канкринна положить проект Министерства финансов в основу будущего совместного с Министерством внутренних дел законопроекта. По крайней мере в одном отношении это стремление было оправданным. Несмотря на то что в это время на рассмотрении Министерства внутренних дел оказалось сразу пять дел об учреждении акционерных компаний, вопрос об акционерном учредительстве вообще в очень малой степени относился к функциям этого министерства. Можно было предполагать (и так оно оказалось в действительности), что большая часть компаний будет образовываться в сфере промышленности. Между тем еще в конце 1819 г. из состава Министерства внутренних дел вышел Департамент мануфактур и внутренней торговли и с этого времени управление промышленностью целиком сосредоточилось

⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 36—46.

⁴¹ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, л. 6 об.

в Министерстве финансов. Уже в те годы оно превращалось в «фабрикантское ведомство»,⁴² как назвал его позднее В. И. Ленин. Согласно § 24 проекта «Правил об обществах на акциях», в Министерстве внутренних дел подлежали рассмотрению лишь прошения «всех прочих» компаний, т. е. тех, которые по роду деятельности не относились ни к одному из других ведомств. Да и с финансовой точки зрения вопрос об акционерном учредительстве относился исключительно к ведомству Министерства финансов. После получения текста утвержденного мнения Государственного совета Канкрин продолжал настаивать на своем проекте. 9 декабря он писал министру внутренних дел: «Сообразив оный законопроект с предположенными Государственным советом „Началами“, не нахожу с моей стороны нужным сделать в том проекте какие-либо существенные перемены».⁴³ В заключении того же письма Е. Ф. Канкрин сообщал Д. Н. Блудову, что внесение в проект Министерства финансов каких-либо новых дополнений и уточнений он «предоставляет» его «усмотрению» и будет ожидать от него окончательный проект закона.⁴⁴

Такой проект Министерство внутренних дел представило на заключение Министерства финансов в конце февраля следующего, 1836 г. «Проект правил для компаний на акциях» (как он назывался) включал 38 параграфов, распределенных по четырем главам.⁴⁵ Особенностью проекта было то, что он (хотя это и не отражено в его названии) распространялся на все виды товариществ, в том числе и не акционерные (торговые дома); однако основное внимание в нем все же уделялось акционерным компаниям.

В обстоятельном сопроводительном письме Д. Н. Блудов подчеркивал значение законопроекта. «Начертание общего закона о привилегиях на предприятия, — писал он, — соединено с разрешением высших государственных вопросов».⁴⁶ Далее указывалось, что, по его мнению, в законопроекте в основном «подлежат рассмотрению два главных и существенных предмета: 1. Порядок дозволения учреждать компании с присвоением особых им преимуществ; и 2. Меры, которые должны быть принимаемы для охранения капиталов, компании вверенных».⁴⁷ Как и в проекте Министерства финансов, предполагалось сохранение разрешительной системы учреждения компаний, согласно которой право на деятельность компания получала лишь в случае специального, в форме отдельного закона, разрешения правительства. Даже одно это простое разрешение рассматривалось как привилегия.

⁴² В. И. Ленин. Проект нового закона о стачках. ИСС, т. 6, стр. 406.

⁴³ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 319, л. 18.

⁴⁴ Там же, л. 18 об.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, лл. 50—70.

⁴⁶ Там же, л. 44 об.

⁴⁷ Там же, л. 45.

Министерство внутренних дел исходило из того, что вопрос о реальности (осуществимости) и полезности основания компаний не может иметь одного общего решения и что поэтому законопроект должен оставить «правительству полную свободу, по усмотрению не только свойств предприятия, но и обстоятельств времени, соглашаться на учреждение или отказать в оном».⁴⁸ По второму вопросу Д. Н. Блудов считал, что для всех компаний должен и может быть установлен общий порядок «как для внутреннего управления оных, так и для охранения их капиталов, отчетности, ликвидации в случае уничтожения и проч.». Что касается «биржевого ажиотажа», то он, по мнению Блудова, «не есть существенная принадлежность, но лишь в некоторых случаях неизбежное последствие торговли акциями».⁴⁹ «Продажа акций на срок не может быть воспрещена без нарушения прав собственности; на случай обманов в сем, нет нужды устанавливать особые правила — они подходят под общие узаконения о биржевых сделках».⁵⁰

В Министерстве финансов «Проект правил для компаний на акциях» был направлен на отзыв Департамента мануфактур и внутренней торговли. В заключении Департамента на имя Е. Ф. Канкрин подчеркивалось, что в проект «по изложенным министром внутренних дел уважениям главнейше не вошли предначертанные Вами правила относительно раздачи и разверстки акций, но что вообще проект таковой не заключает в себе ничего особенно стеснительного для обществ».⁵¹ Затем предлагалось 10 пунктов замечаний на этот проект, большинство которых было учтено в официальном отзыве Министерства финансов от 5 марта 1836 г.⁵² Отмечая в отзыве, что мнения ведомств «различествуют в некоторых главных отношениях», Е. Ф. Канкрин настаивал на присоединении его проекта и отзыва к подготавливаемому представлению Д. Н. Блудова в Государственный совет.⁵³ Тем самым создавалась возможность для продолжения борьбы по поводу законопроекта и в Совете.⁵⁴ Поэтому в отзыве

⁴⁸ Там же, л. 47.

⁴⁹ Там же, л. 47 об.

⁵⁰ Там же, л. 48 об.

⁵¹ Там же, л. 73.

⁵² Исключение составили следующие три пункта, не отраженные в отзыве Министерства финансов. По мнению Департамента, из проекта Министерства внутренних дел следовало исключить указание на максимальное количество акций, которое могло принадлежать отдельным учредителям и акционерам (п. 1). Предлагалось разрешить компаниям изменять без санкции правительства положения уставов «о внутреннем управлении делами общества» (п. 9). Согласно проекту, в случае злоупотреблений со стороны директоров компаний они отвечали принадлежащими им 50 акциями. Департамент считал необходимым оговорить, что это правило «может иметь силу только по приговору общего собрания акционеров» (ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, лл. 73—74).

⁵³ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 319, л. 26 об.

⁵⁴ Министры по должности являлись членами Государственного совета и принимали участие в его заседаниях.

речь шла лишь о некоторых частных расхождениях между проектами двух ведомств.

Наиболее существенное из них касалось вопроса о порядке распределения (реализации) акций. Детальная регламентация этого порядка, содержавшаяся в проекте Министерства финансов, в проекте Министерства внутренних дел отсутствовала. Взамен ее, согласно § 30 «Проекта правил», «назначение числа акций, срока для взноса следующих за оные деньги (вполне или по частям) и порядок распределения и раздачи их между акционерами» — все это подлежало «усмотрению самих учредителей» и определению в уставах компаний. Устанавливалось лишь, что: а) акции не могут быть дешевле 50 и дороже 2000 руб. (ассигнациями); б) если предполагалась оплата акций по частям, обязательным было соответствующее обеспечение полной оплаты и в) учредители до истечения срока привилегии обязаны были владеть 50—200 акциями. Соглашаясь на эти изменения, Канкрин писал, однако, что, по его мнению, для борьбы с ажиотажем и исключения возможности возникновения предприятий спекулятивного характера решающее значение имеет крайняя осторожность правительства при утверждении новых компаний. «Я полагаю, что не должно излишне поощрять компаний, против коих ныне в Европе возникают многие возражения...». И далее: «Я не могу скрыть, что сомнительные успехи некоторых компаний, у нас учрежденных, грозят отохочиванием публики вовсе от участия в оных, тем более что немалое число людей уже разорилось от ажиотажа, почему на будущее время требуется вышшая осторожность правительства, и в сем отношении лучше отказать десяти несовершенно положительным компаниям, нежели допустить одну ко вреду публики и самого дела».⁵⁵ У Канкринина вызвал возражение пункт, обязывающий учредителей владеть акциями, он был против требовавшейся «Проектом правил» санкции правительства в случае возможного устранения учредителей-директоров, возражал он и против запрещения директорам получать особое вознаграждение за труд и, наконец, против установления в законопроекте числа акций, дающих право голоса (10 акций — 1 голос, 50 акций — 2; Канкрин предлагал устанавливать это число в уставах).⁵⁶

15 марта 1836 г. представление министра внутренних дел «О проекте закона об учреждаемых обществах на акциях» (с изложением отзыва и приложением проекта Министерства финансов) было направлено в Государственный совет.⁵⁷ Касаясь отзыва Министерства финансов от 5 марта, Д. Н. Блудов отмечал в своем представлении, что высказанные в нем предложения «по возможности соблюдены в означенном проекте» (т. е. в проекте Мини-

⁵⁵ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 349, лл. 25 об.—26.

⁵⁶ Там же, лл. 26 об.—27 об.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 2—35, 36—46.

стерства внутренних дел.⁵⁸ 9 и 15 мая представление рассматривалось в Соединенных департаментах Законов и Государственной экономики, заключение которых 25 мая было утверждено Общим собранием Государственного совета.⁵⁹ При обсуждении законопроекта Министерства внутренних дел Государственный совет на этот раз ограничился лишь сравнением его с «Началами» (сформулированными Советом еще в октябре 1835 г.) и решением вопросов, оставшихся не согласованными между Министерством финансов и Министерством внутренних дел. Одобрив законопроект в целом, Совет высказал, однако, ряд замечаний и предложил Д. Н. Блудову их учесть, после чего представить законопроект на окончательное утверждение.⁶⁰ 20 июня мнение Государственного совета было утверждено царем.⁶¹ Свое заключение по поводу этих замечаний Блудов изложил в особой записке. С рядом предложений он соглашался. Так, в его проекте предполагалось ограничить номинальную цену акций (от 50 до 2000 руб.). В заключении же Соединенных департаментов предлагалось не устанавливать таких пределов вообще, поскольку, в частности, «низкая цена акций, не производя никаких вредных последствий, напротив, умножением числа акционеров способствует движению частных капиталов в более обширном круге».⁶² Приемлемыми он считал некоторые уточнения относительно гарантии полного взноса капитала в случае оплаты акций по частям, предусматривавшейся в проекте Министерства внутренних дел.⁶³ Соглашался Блудов и с предложением считать правомочными лишь те общие собрания акционеров, в которых принимают участие владельцы минимум 50% всех акций.⁶⁴ Но некоторые замечания Государственного совета вызвали категорические возражения Д. Н. Блудова. Совет высказался за реализацию четырех пятых выпускаемых акций (одна пятая сохранялась за учредителями) по свободной подписке и установление максимальной нормы для одного лица. Система реализации акций должна была обеспечить возможность участия иногородних.⁶⁵ Блудов же настаивал на предоставлении реализации акций цели-

⁵⁸ Там же, л. 32.

⁵⁹ Там же, лл. 50—59, 70—78 (ф. 1160, оп. 2, д. 73, лл. 350—385; ф. 1159, оп. 1, д. 86, лл. 334—349).

⁶⁰ Там же, л. 50 (ф. 1160, оп. 2, д. 73, л. 369).

⁶¹ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 86, л. 349. — А. И. Каминка ошибочно полагал, что на этом обсуждение законопроекта было закончено (причем в его распоряжении находился не этот, а последующий проект Министерства внутренних дел) и он получил ту редакционную форму, в которой он был утвержден императором 6 декабря 1836 г. (А. И. Каминка. Акционерные компании. СПб., 1902, стр. 375—380).

⁶² ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 53 об., 60 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 73, л. 374 об.).

⁶³ Там же, лл. 53 об.—54, 61 об. (там же, лл. 375—376).

⁶⁴ Там же, лл. 58 об., 61 (там же, л. 382 об.).

⁶⁵ Там же, лл. 55—57 (там же, лл. 377—380).

ком усмотрению учредителей.⁶⁶ «Случайное распространение акций между людьми, не привыкшими к биржевому делу, гораздо менее согласно с справедливостью и несравненно вреднее, нежели предоставление самим учредителям разверстки акций», — указывалось, в частности, в заключении Блудова.⁶⁷ Предлагаемое Государственным советом правило, согласно которому о всякой передаче акций от одного лица к другому требовалось ставить в известность правление компании, признавалось затруднительным «для иногородних акционеров, на участие которых правительство должно обращать особенное внимание».⁶⁸ Он считал необходимым, чтобы директорами компаний назначались лишь лица, владеющие минимум 50 акциями, что обеспечивало бы их материальную заинтересованность в делах компании.⁶⁹ По мнению же Государственного совета, такое правило «могло бы иногда устранить от сего звания людей способных, опытных и благонадежных из числа мелких акционеров».⁷⁰ Наконец, Д. Н. Блудов, в соответствии с «Началами», настаивал на необходимости сохранить в законопроекте, хотя бы в общей формулировке, требование, смысл которого сводился к тому, чтобы «устав компании был подписываем... лицами, известными и достойными общей доверенности и коих нравственные качества, сведения в предпринимаемом деле и самое состояние и имущество могут служить некоторым ручательством в успехе предприятия и в охранении капитала от противозаконной растраты». Государственный совет считал подобное требование слишком относительным и неопределенным.⁷¹

После доработки и исправления «Проект правил для компаний на акциях» 19 июля 1836 г. вновь был внесен Д. Н. Блудовым в Государственный совет,⁷² где подвергся «окончательному и самому подробному рассмотрению»⁷³ на трех заседаниях Соединенных департаментов Законов и Государственной экономики в присутствии министра внутренних дел (17 августа, 24 сентября и 12 октября).⁷⁴ Признавалось необходимым «излишними ограничениями не стеснять предприимчивости благонамеренной и полезной», в то же время «преграждая по возможности путь к вредным действиям со стороны учреждающих компании на акциях и устраняя предприятия, клонящиеся к обману людей

⁶⁶ Там же, лл. 62, 67—68.

⁶⁷ Там же, л. 62.

⁶⁸ Там же, лл. 61 об., 55 (ф. 1160, оп. 2, д. 73, л. 377).

⁶⁹ Там же, л. 63.

⁷⁰ Там же, л. 53 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 73, лл. 374 об.—375).

⁷¹ Там же, лл. 57 об.—58, 69 (там же, л. 381).

⁷² Там же, лл. 81—102. — Только этот вариант законопроекта Министерства внутренних дел был известен А. И. Каминке (см. прим. 61).

⁷³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, л. 121 (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 263).

⁷⁴ Там же, лл. 121—130 (там же, лл. 263—280).

легковерных».⁷⁵ Поскольку и новый вариант проекта Министерства внутренних дел вызвал многочисленные замечания и дополнения Соединенных департаментов (его текст оказался сплошь испещрен правкой), ими был подготовлен новый, четвертый по счету, вариант законопроекта («Проект положения»), к сожалению, до нас не дошедший. О его существовании позволяют говорить документы об обсуждении законопроекта в Государственном совете, содержащие ссылки на параграфы, номера которых не совпадают ни с одним из имеющихся в деле.⁷⁶ Позднее в мемории Государственного совета прямо отмечалось, что «Соединенные департаменты, по взаимному с министрами соглашению, составили новый проект общего для компаний на акциях положения».⁷⁷ Одновременно Д. Н. Блудовым была составлена записка с возражениями на замечания Соединенных департаментов и подготовленный ими вариант законопроекта.⁷⁸ Записка не подписана, и о ее принадлежности можно судить лишь на основании анализа текста заключения департаментов (составленного в результате трех заседаний в августе—октябре), где, в частности, в одном из мест пересказывается мнение министра внутренних дел в той же редакции, как оно изложено в записке с возражениями.⁷⁹ В заключение записки Блудов вновь высказывал свое убеждение, что излишняя регламентация учреждения и деятельности компаний в законопроекте, имеющем общий характер, «может только лишь стеснять самое правительство при рассмотрении предположений об учреждении компаний» в дальнейшем.⁸⁰ 23 октября в ответ на запрос министра финансов государственный секретарь М. А. Корф сообщал ему, что проект «Правил об учреждении компаний на акциях» находится «на предварительном рассмотрении г. председателя» Государственного совета Н. Н. Новосильцова.⁸¹ 2, 9 и 16 ноября обсуждение законопроекта (по всей вероятности, того же его варианта, который был подготовлен Соединенными департаментами) и записки Д. Н. Блудова было продолжено в Общем собрании Совета,⁸² который «по особенной во многих отношениях важности сего дела почел обязанностью обратить на оное самое ближайшее внимание».⁸³ Вследствие этого после заслушивания законопроекта на заседании 2 ноября он был на неделю представлен для ознакомления

⁷⁵ Там же, л. 121 (там же, л. 263 об.).

⁷⁶ Там же, лл. 131—141, 159, 162 и др.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 88, л. 24.

⁷⁸ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 60—69.

⁷⁹ Там же, лл. 106, 126 об.

⁸⁰ Там же, л. 108.

⁸¹ Там же, л. 120.

⁸² ЦГИА, ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 281—321.

⁸³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, л. 159 (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 301). !

«всем членам (Совета, — *Л. III.*), дабы поставить их в возможность ближе вникнуть в общую связь и в частности сего дела»⁸⁴ — мера, применявшаяся в то время в исключительных случаях. Заседание 9 ноября было посвящено лишь одному вопросу: о возможности оплаты акционерами приобретаемых акций по частям.⁸⁵ Ввиду большого значения, придаваемого ему, и возникших разногласий было решено до рассмотрения законопроекта в целом представить мнения двух разных групп членов Государственного совета на усмотрение императора. Дело в том, что в последнем проекте Министерства внутренних дел этот вопрос решался положительно. Соединенными департаментами он был решен отрицательно. А большинством членов Общего собрания, мнение которых получило утверждение императора, — снова положительно. Большинство расценивало этот вопрос, как «самый существенный во всем настоящем деле, ибо от него некоторым образом зависит будущая участь и даже вопрос о самой возможности существования компаний в России».⁸⁶ По этому вопросу были затребованы письменные заключения председателя Департамента государственной экономии Ю. П. Литта,⁸⁷ председателя Гражданского департамента Н. С. Мордвинова⁸⁸ и министра финансов Е. Ф. Канкрин.⁸⁹ 16 ноября законопроект рассматривался в Общем собрании целиком,⁹⁰ причем по ряду его статей были высказаны дополнительные, большей частью редакционного характера, замечания. На этот раз окончательная отработка законопроекта (его «исправление и дополнение») была поручена Государственной канцелярии, которая затем должна была представить его «к высочайшей конфирмации».⁹¹

Отсутствие подготовленного Соединенными департаментами варианта законопроекта осложняет анализ документов, отражающих его обсуждение в Государственном совете. Но именно последние дают возможность косвенно судить о содержании тех положений этого варианта законопроекта, которые вызвали возра-

⁸⁴ Там же (там же).

⁸⁵ Там же, лл. 144—153 (там же, лл. 281—300, 320—321).

⁸⁶ Там же, лл. 147 об.—148 (там же, л. 289).

⁸⁷ Там же, лл. 133—136.

⁸⁸ Там же, лл. 137—141.

⁸⁹ Там же, лл. 142—143.

⁹⁰ Там же, лл. 159—168 (ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 301—319). — К этому заседанию Государственного совета Н. С. Мордвинов и адмирал А. С. Грейг представили «особые письменные замечания». В заключение своих замечаний Грейг указывал: «Мне кажется вообще неудобным Правительству входить без крайней необходимости в распоряжения частных капиталов, которые обыкновенно тем выгоднее обращаются, чем менее находят препятствий; а потому желательно, чтобы Устав о компаниях был как можно краток и ясен... и частной собственности не вреден» (ЦГИА, ф. 1152, оп. II, 1836 г., д. 100, лл. 157 об., 159 об.).

⁹¹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, л. 168 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 317 об.).

жения или отстаивался в процессе обсуждения. Рассмотрим наиболее существенные из этих положений в той последовательности, как они, по-видимому, были зафиксированы в этом (четвертом) варианте законопроекта.

В ст. 1 выяснялось отличие акционерных компаний от всех других видов товариществ («особенное свойство акционерных компаний»). В своих замечаниях Д. Н. Блудов отстаивал явно неверные положения. По его мнению, «ответственность (акционеров, — Л. Ш.) одним только складочным капиталом, как в проекте положения сказано, не есть, кажется, ясная и постоянная черта сего различия». Он считал, что «самая очевидная черта сего различия состоит в том, что в компании раздача акций должна производиться публично с предварительного приглашения желающих через ведомости и всем желающим по уравнительной разверстке».⁹² Соединенные же департаменты, по-видимому, настаивали на том, чтобы на это различие было четко указано, поскольку «закон постановляется исключительно для компаний на акциях»⁹³ (напомним, что проект Министерства внутренних дел распространялся на все виды товариществ).

Далее Соединенные департаменты предлагали сократить предусматриваемое законопроектом число возможных категорий акционерных компаний с трех (в проектах Министерства внутренних дел их первоначально намечалось семь) до двух: организация которых представляет особые научно-технические трудности и требует значительных предварительных затрат, а доходность возможна лишь через продолжительное время — первая категория, и все прочие — вторая (ст. 5). (Примером первых назывались железнодорожные, а вторых — страховые общества).⁹⁴ Учреждение этих компаний могло осуществляться «в тройном виде: или одним простым дозволением, или предоставлением вместе с тем некоторых особых преимуществ, или, наконец, — дарованием исключительных привилегий».⁹⁵

Ст. 8 посвящалась установлению срока существования отдельной компании. Государственный совет высказался за то, что ограничение времени деятельности компаний предельным сроком не является обязательным. Для второго и третьего вида компаний правительством должен был устанавливаться срок действия «особых преимуществ» и «исключительных привилегий».⁹⁶

В заключении Соединенных департаментов предлагалось следующее решение вопроса о налогообложении акционерных компаний: «По неудобству облагать компании особою в пользу казны

⁹² Там же, л. 104.

⁹³ Там же, л. 123 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 268).

⁹⁴ Там же, лл. 121 об., 149 об. (там же, лл. 246, 293).

⁹⁵ Там же, л. 123 (там же, л. 267).

⁹⁶ Там же, лл. 124, 161 (там же, лл. 269, 305).

пошлиною с доходов» компании обязывались приобретать общие для всех других форм предприятий торговые свидетельства, в соответствии с размером акционерного капитала.⁹⁷ Согласно тому же заключению, разрешение на учреждение компании признавалось аннулированным, если к установленному сроку все акции не будут разобраны, а причитающиеся за них деньги внесены, или если акционерами не будет решено «ограничиться в исполнении предположенного предприятия одним действительно собранным капиталом».⁹⁸

В соответствии с возражениями министра внутренних дел Общее собрание Государственного совета рекомендовало уточнить в ст. 15 перечень тех малосущественных положений уставов («относящиеся к подробностям делопроизводства и пр.»), которые могли быть изменены самими компаниями, не испрашивая особого разрешения правительства.⁹⁹

По настоянию же Д. Н. Блудова из ст. 17, предусматривавшей случаи ликвидации компаний (по постановлению собрания акционеров и пр.), Общее собрание признавало возможным исключить положение о ликвидации компаний в случае нарушения директорами или правлением их устава.¹⁰⁰

Общее собрание признавало возможным ограничить действие ст. 18 и 21, по смыслу которых «неисполнение компаниею предприятия ее в определенное для того уставом время, влечет за собою уничтожение предоставленных ей преимуществ и привилегий», лишь случаями, когда будет доказана «очевидная и неподлежащая никакому сомнению вина самой компании».¹⁰¹

Далее Общее собрание предлагало пояснить в ст. 19, что о прекращении предоставленных привилегий и о полной ликвидации компании, кроме публикации самой компании в официальных газетах (ведомостях), соответствующее ведомство обязано сообщать в указах Сената.¹⁰²

Наиболее серьезные разногласия и споры возникли, как указывалось, вокруг ст. 22 четвертого варианта законопроекта о порядке оплаты акций.¹⁰³ Статье придавалось большое значение, поскольку в «Проекте положения» не предусматривалась возможность последующего увеличения капитала компаний. В заключении Соединенных департаментов по этому поводу указывалось: «Для вернейшего обеспечения предприятия компании и интересов всех участников и для предупреждения всякого

⁹⁷ Там же, л. 124—124 об. (там же, л. 269).

⁹⁸ Там же, л. 125 (там же, лл. 269 об.—270).

⁹⁹ Там же, лл. 105, 162 об. (там же, лл. 306 об.—307).

¹⁰⁰ Там же, лл. 105 об., 163 (там же, лл. 307 об.—308).

¹⁰¹ Там же, л. 163 об. (там же, лл. 308 об.—309).

¹⁰² Там же, л. 164 (там же, л. 309 об.).

¹⁰³ Там же, лл. 106, 125—126, 144—153, 164 (там же, лл. 271—273, 281—300, 310—312).

ажитожа при продаже акций принять за положительное правило, чтобы определенная за акцию цена была вносима сполна при самом получении оной». ¹⁰⁴ В качестве одного из аргументов в пользу такого порядка департаменты указывали на то, что следствием его должно было быть распространение более мелкой купюры акций и вместе с тем увеличение их количества и числа акционеров. ¹⁰⁵ Защищая положения своего проекта, министр внутренних дел указывал на необходимость «сколь можно противиться вдруг слишком большим изъятиям капиталов из народного обращения и накоплению оных в кредитных установлениях по той общезвестной причине, что капиталы, в частных руках и в раздробительных количествах обращающиеся, полезнее огромных капиталов в банках». ¹⁰⁶ Что касается обеспечения интересов компании и акционеров, то, по мнению Д. Н. Блудова, «капитал не всегда весь требуется для действия и взнос оного по частям легче для акционеров»; полнота же оплаты акций в установленные сроки может быть обеспечена мерами самой компании. ¹⁰⁷ В Общем собрании Государственного совета мнения по этому поводу разошлись.

Меньшинство (12 членов) поддержало Соединенные департаменты. За запрещение оплаты акций по частям было высказано шесть доводов: 1) для гарантии полной оплаты акций невыплаченная часть цены должна обеспечиваться залогом («в денежных суммах — наличных или в билетах кредитных установлений»), что приведет к иммобилизации на долгое время вложенных в них средств; 2) неполная оплата акций может привести к гибели предприятий, существование которых «в видах общественной пользы было бы, напротив, весьма желательно»; 3) только таким путем была надежда «предотвратить по возможности вредное действие ажитожа», который мог возникнуть в результате спекуляций с частично оплаченными акциями; 4) эта мера (запрещение оплаты акций по частям) позволит «возбудить движение частных капиталов в более обширнейшем круге, ибо требование полного взноса имеет необходимым последствием для успешнейшей раздачи акций уменьшение цены оных и соразмерное предприятию увеличение числа акций»; 5) только при этом условии можно «поддерживать общественное доверие к предприятиям, приводимым в действие посредством компаний на акциях» и, наконец, 6) запрещение оплаты акций по частям в качестве общего правила устранил произвол и разноречивость, который неизбежен при разрешении такой оплаты в одних случаях и запрещении в других. ¹⁰⁸

¹⁰⁴ Там же, лл. 125 об.—126 (там же, л. 271).

¹⁰⁵ Там же, л. 126 (там же, л. 272).

¹⁰⁶ Там же, л. 106.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, лл. 146—147 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 285—289).

Победило, однако, утвержденное царем мнение большинства членов Государственного совета (17) во главе с председателем Н. Н. Новосильцовым и включая Е. Ф. Канкрин и Д. Н. Блудова, которые высказались за разрешение в принципе оплаты акций по частям.¹⁰⁹ В основу было положено предложение Е. Ф. Канкрин. Вынужденный отлучиться с заседания 2 ноября, он представил Совету краткую записку, где указывал на целесообразность давать это разрешение тем компаниям, для которых по роду их деятельности это возможно.¹¹⁰ В основу такого разделения компаний, по мнению 17 членов Общего собрания, должно было лечь установленное в ст. 5 разделение компаний на две категории (для первой категории оплата акций по частям разрешалась, для второй — нет).¹¹¹ Свое мнение большинство Государственного совета мотивировало следующим образом. «Известно и не нужно доказывать, что дух подобных общественных предприятий у нас, в сравнении с государствами иностранными, весьма мало еще распространен и что если до сих пор легко было собирать капиталы по первому вызову, то сие должно отнестись, — преимущественно и почти исключительно, — к обольщавшей вкладчиков надежде ажиотажа, возбужденной впервые необыкновенным примером Первого страхового от огня общества, в 1827 году учрежденного. Пока частный человек имел уверенность, что чрез перепродажу купленных им акций он выручит свой капитал в несколько недель или даже дней вдвойне и втройне, и пока уверенность эта была оправдываема на самом опыте, конечно, нельзя было опасаться недостатка в акционерах ни для какой вновь образующейся компании, независимо, впрочем, от цели и выгоды ее предприятия, о чем мало кто из требовавших акций и заботился. Но несколько неудачных попыток, на легковерии массы публики рассчитанных, и несколько значительных банкротств от азартной игры в акции разрушили эту, дотоле столь обольстительную, приманку. Не только мелкие вкладчики, у которых маловажность вкладов вознаграждалась числом, но и более достаточные капиталисты наши, без того робкие и малопредприимчивые, теперь, последствием этих неудач, так сказать, запуганы и дело приняло быстрый оборот от одной крайности к другой: прежняя слепая доверчивость заменилась почти совершенным отвращением. Непоименовывая никаких примеров, достаточно здесь упомянуть, как о вещи гласной и всем известной, что некоторые компании остаются теперь с своими акциями без средств к сбыту, тогда как прежде они были бы

¹⁰⁹ К мнению 17 членов Государственного совета при подписании журнала от 9 ноября 1836 г. присоединилось еще 6, ранее возражавших против оплаты акций по частям (ЦГИА, ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 320—321).

¹¹⁰ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 142—143.

¹¹¹ Там же, лл. 149 об.—150, 164 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 292 об.—293, 310—311).

расхватаны в несколько часов, что акции других продаются почти вполону против нарицательной цены и при всем том не находят покупателей, и, наконец, что есть компании, которые за неимением требований на их акции принуждены были закрыться, не начиная еще своих действий. Сколько, с одной стороны, доказываемый сим упадок видов на ажиотаж должен соответствовать цели и желаниям правительства, столько, однако ж, с другой, достойно бы было сожаления, если б с ним вместе угасла и благонамеренная склонность публики к предприятиям важным и зрело обдуманым, которые могут обратиться к истинной пользе государства, но, превышая способы частных людей в отдельном их действии, возможны только соединением капиталов. При успехах нашей промышленности, при непрерывном развитии в государстве новых потребностей и новых сил, и при всегдашнем примере иностранных держав, где компании ежедневно размножаются и пользуются часто большими прибылями, последствие это невероятно; но и правительство должно способствовать отвращению оного своими мерами, поощряя полезную предприимчивость, пролагая ей свободные пути, и особенно отстраняя такие ограничения, которые стесняют без прямой необходимости и даже со вредом в других отношениях. Правило, чтобы при самом учреждении компаний требовать тотчас взноса полной цены акций, или, что все равно, полного складочного капитала компании, по мнению 17 членов, весьма основательно; но чтобы иметь свою пользу в приложении, не перейдя в одно из помянутых выше вредных ограничений, правило сие не должно быть ни *общим*, ни *безусловным*.¹¹² И далее: «Принятие за непрременное правило полных вдруг взносов может нанести решительный удар тем компаниям, возрождение которых наиболее у нас желательно как источников разных улучшений в государстве, не сопряженных ни с какими пожертвованиями для казны. Что же касается до ажиотажа, то члены сии не думают, чтобы допущение частных взносов могло его усилить».¹¹³

Согласно ст. 23 учредителям и директорам предоставлялось право приобретать известную часть акций компании, но вместе с тем воспрещалось в течение известного времени передавать эти акции в другие руки. И в заключении Соединенных департаментов, и в записке Д. Н. Блудова обращалось внимание на нелогичность статьи и предлагалось исключить из нее вторую часть.¹¹⁴

Соединенные департаменты считали необходимым в дополнении к указанию на ответственность акционеров «в случае неудачи предприятия» лишь их взносом в основной капитал компании разъяснить в законопроекте, что акционеры «в таких

¹¹² Там же, лл. 147 об.—149 (там же, лл. 289 об.—292 об.).

¹¹³ Там же, л. 152 (там же, л. 296 об.).

¹¹⁴ Там же, лл. 106 об., 126 об.—127 (там же, л. 273).

случаях не могут подвергаемы быть никакой личной ответственности», а «при несостоятельности акционера по долгам казенным или частным, внесенный им за акции капитал остается неприкосновенною собственностью компании, но акции по соразмерности долга все или частью обращаются в собственность казны или кредитора со всеми причитающимися прибылями».¹¹⁵

Общее собрание высказалось за перередактирование ст. 27 в том смысле, что порядок участия акционеров в общих собраниях и максимальное число голосов, которое может принадлежать одному лицу, должно «определяться особо в частном уставе каждой компании».¹¹⁶

В ст. 30 говорилось, что первый состав правления компании образуется «из учредителей, если они пожелают...». Д. Н. Блудов предлагал исключить указание на желание учредителей, так как «до раздачи акций» другого состава «п быть не может».¹¹⁷

Из ст. 34 Соединенные департаменты предлагали исключить подробности, определявшие «число директоров и время пребывания в сем звании, определение порядка производства дел, выбора должностных лиц и проч.», перенеся их в частные уставы компаний. Вместе с тем статью рекомендовалось дополнить указанием на запрещение предоставлять кому бы то ни было право «на всегдашнее и бессменное управление делами компании». Министр внутренних дел возражал против содержавшегося в этой же статье категорического запрещения устанавливать для кого бы то ни было «особую постоянную прибыль» за счет компании, ссылаясь на то, что возможны случаи, когда это будет необходимо для существования компании (например, для приобретения права на изобретение). При обсуждении ст. 34 департаменты высказались и еще за одно дополнение законопроекта указанием на ответственность директоров за допущенные злоупотребления «на общем основании законов лично и всем своим свободным имуществом» (это положение составило ст. 35). По мнению Общего собрания, слова «лично и всем своим свободным имуществом» лишь поясняли первую часть «на общем основании законов», а потому подлежали исключению.¹¹⁸

«Взамен правила, что министры и главноуправляющие не могут принимать на себя звание покровителей компаний», Соединенные департаменты предлагали «поместить в проекте, что они не могут быть ни учредителями, ни директорами компаний, но их ведомству учреждаемых». Такая возможность, следовательно, оставалась открытой для всех других чиновников,

¹¹⁵ Там же, л. 127 (там же, лл. 273 об.—274).

¹¹⁶ Там же, л. 155 об. (там же, л. 312).

¹¹⁷ Там же, л. 107.

¹¹⁸ Там же, лл. 107 об., 127 об.—128, 165 об. (ф. 1160, оп. 2, л. 74, лл. 274 об.—275, 312—313).

а для министров и главноуправляющих — по другим ведомствам.¹¹⁹

Согласно ст. 37, решения собраний акционеров считались правомочными, если были приняты двумя третями голосов; для чрезвычайных собраний, кроме того, требовалось, «чтобы капитал явившихся в собрание акционеров превышал половину всего складочного капитала». Общее собрание сочло последнее требование невыполнимым и предлагало его отменить, установив взамен, что решения собрания должны приниматься не менее чем тремя четвертями голосов. В качестве мотивировки указывалось, «что при участии в компаниях лиц, заявляемых службою, коммерцией и проч., иногородних и иностранцев, едва ли ожидать можно, чтобы в общее собрание явилось когда-либо половина и еще более половины всех акционеров по капиталу».¹²⁰

Соединенные департаменты считали необходимым, помимо обязательного в соответствии со ст. 38 предоставления отчетов компаний для ознакомления акционеров за месяц до их рассмотрения, подвергать их проверке особыми ревизионными комиссиями из числа акционеров. При рассмотрении этой статьи, а также ст. 39 Общее собрание предложило не стеснять компании установлением обязательного годового срока отчетности, допуская в уставах отдельных компаний меньшие и большие отчетные периоды.¹²¹

Разногласия вызвала и ст. 41. Департаменты считали возможным в случае принятия большинством акционеров решения о продлении действий компании выход из компании тех акционеров, которые будут несогласны с этим решением, и возврат им соответствующей части капитала. Общее собрание встало на другую точку зрения. По его мнению, возврат части капитала «неминуемо приведет компанию в большие затруднения и может поставить ее даже в невозможность продолжать свои действия». Акционеры же, несогласные с продлением действий компании, должны были реализовывать свои акции обычным порядком на рынке.¹²²

Общее собрание признало необходимым также включить в законопроект два новых положения, направленных против возможной спекуляции с акциями. «Решительно» запрещались акции на предъявителя; на каждой акции было обязательно обозначение ее владельца, а передача акции другому лицу должна была каждый раз фиксироваться в правлении.¹²³ Между тем во всех проектах и Министерства финансов и Министерства внутренних дел

¹¹⁹ Там же, л. 129—129 об. (там же, л. 276).

¹²⁰ Там же, л. 166 (там же, лл. 313—314).

¹²¹ Там же, л. 128 об. (там же, л. 276).

¹²² Там же, лл. 128 об., 166 об.—167 (там же, лл. 276 об.—277, 314 об.—315).

¹²³ Там же, л. 167 об. (там же, л. 316).

выпуск акций на предъявителя допускался. Запрещались также и объявлялись недействительными «всякие условия между частными лицами, как на бирже, так и вне оной, о покупке и продаже акций. . . не за наличные деньги, а с поставкою к известному сроку и по известной цене»,¹²⁴ хотя в мае Государственный совет признал эту меру «несогласной с общим законом о торговле» и «неудобоисполнимой».¹²⁵

В замечаниях Соединенных департаментов, кроме того, сохранился ряд рекомендаций относительно порядка рассмотрения дел об учреждении акционерных компаний в министерствах, Компете министров и Государственном совете.¹²⁶

Таким образом обсуждение четвертого варианта законопроекта («Проекта положения») в Соединенных департаментах и Общем собрании Государственного совета не вышло из круга вопросов, ранее уже поставленных в проекте «Правил об обществах на акциях» Министерства финансов и «Проекте правил для компаний по акциям» Министерства внутренних дел. В свою очередь оба эти проекта строились с учетом уже существовавшего законодательства — русского и иностранного. В процессе подготовки законопроекта было составлено «историческое обозрение состава» уставов всех акционерных компаний, существовавших в России «со времени императора Петра Великого».¹²⁷ К акционерным компаниям, как одной из форм коммерческих предприятий вообще, естественно, относились (если не оговаривалось противного) и все те общие нормы, которые устанавливались законом для этих предприятий. И Е. Ф. Канкрин, и Д. Н. Блудов были знакомы с иностранным акционерным законодательством. Первый ссылается в «Правилах об обществах на акциях» на французские законы,¹²⁸ второй в сопроводительном письме к «Проекту правил для компаний на акциях» — на иностранный опыт вообще.¹²⁹ На использование опыта иностранного законодательства при рассмотрении нового акционерного закона указывается также в заключительной мемории Государственного совета («в виду Соединенных департаментов были. . . законодательства по сей части разных иностранных держав»).¹³⁰ В делах Совета имеется в виде копии один из самых последних уставов немецких акционерных обществ: устав Компании для устройства железной дороги между Лейпцигом и Дрезденом, утвержденный 6 мая 1835 г.¹³¹

¹²⁴ Там же, л. 168 (там же, д. 74, лл. 316 об.—317).

¹²⁵ Там же, лл. 54 об., 74 об. (там же, д. 73, лл. 376 об.—377).

¹²⁶ Там же, лл. 129—130 (там же, д. 74, лл. 277 об.—279).

¹²⁷ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 88, л. 24 об.

¹²⁸ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, л. 18 об.

¹²⁹ Там же, л. 44 об.

¹³⁰ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 88, лл. 24 об.—25.

¹³¹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 109—118.

6 декабря 1836 г. Николай I утвердил особую меморию, излагающую содержание журнала заседаний Государственного совета от 2, 9 и 16 ноября 1836 г., окончательный вариант закона «Положение о компаниях на акциях»¹³² и подписал подготовленный М. М. Сперанским указ Сенату об обнародовании и исполнении этого закона.¹³³ Как говорилось в указе, новый закон принимался, «дабы всем вообще ветвям промышленности, при благословении божием столь приметно возрастающей в империи нашей, доставить, с одной стороны, сколь можно более свободы в ее движении и развитии, а с другой — оградить ее по возможности от последствий легкомыслия и необдуманной предприимчивости».¹³⁴ Указ и «Положение» вошли в Полное собрание законов Российской империи¹³⁵ и в т. X (ч. 1) Свода законов под названием «О товариществах по участкам или компаниях на акциях».¹³⁶

Изложенная история разработки акционерного закона 1836 г. интересна во многих отношениях. Так же как при утверждении уставов отдельных компаний (и до 1836 г., и после) могла выявляться позиция правительства по частному случаю (относительно данной компании и данного времени), так при обсуждении проектов общего акционерного закона со всей отчетливостью выявились целенаправленность отдельных его положений и общие мотивы, которыми руководствовался законодатель.

Отчетливо осознавалось экономическое значение акционерных компаний как специфичной формы организации *капиталистических* предприятий. Необходимость их возникновения в России ни разу не ставилась под сомнение во все время обсуждения законопроекта. С этим связывались две цели: насаждение в стране крупных промышленных, транспортных, торговых и других предприятий в акционерной форме, и развитие при помощи компаний предпринимательской активности вообще. При обсуждении законопроекта в Государственном совете в мае 1836 г. со всей определенностью указывалось, что компании на акциях допускаются «правительством с двоякою целью: для приведения в действие какого-либо общепольного предприятия и для возбуждения частных капиталов, елико возможно в более обширном круге...»¹³⁷ Должно быть отмечено, что эта попытка правительства форсировать промышленное развитие страны предпринималась в период, когда в отличие от конца XIX в. необходимость этого еще не выявилась со всей очевидностью и острой и когда царизм еще не утратил свободы выбора.

¹³² Там же, л. 172; ф. 1159, оп. 1, д. 88, л. 40 об.

¹³³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 169—171.

¹³⁴ Там же, л. 171.

¹³⁵ ПСЗ II, т. XI, № 9763.

¹³⁶ Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г., т. X, ч. I.

¹³⁷ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 55 об., 75 (ф. 1159, оп. 1, д. 86, л. 343).

Законопроект разрабатывался в условиях повысившегося интереса к акционерным компаниям со стороны публики и благоприятного положения рынка капиталов — условиях скорее исключительных, нежели обычных для России. Борьба с биржевым ажиотажем — вот вторая цель, которая преследовалась законодателями. Но и борьба против спекуляций с акциями имела в основе стремление сохранить и упрочить институт акционерных компаний.

Компании рассматривались не только как наиболее удобная форма для производительного помещения свободных частных капиталов,¹³⁸ но и как такая форма, которая должна обеспечить возможность этих вложений для всех желающих, в том числе, а может быть и прежде всего, для помещиков и бюрократии. В условиях усиливавшегося разложения помещичье-феодалного строя последнее обстоятельство имело важнейшее значение. Публичный характер акционерных компаний неоднократно подчеркивался. Д. Н. Блудов считал даже (см. стр. 186), что именно в этом заключалось специфическое отличие акционерных товариществ от всех других. Учреждение акционерных компаний, как предприятий государственного важности, связывалось с предоставлением им особых прав и привилегий. Последнее, равно как и экономическая конъюнктура того времени, вызывало представление об акционерных компаниях как деле исключительно выгодном. Отсюда забота законодателя о том, «дабы каждому раскрыт был свободный путь участвовать в выгодном помещении капитала на общих для всех единообразных правилах».¹³⁹

Разработка «Положения о товариществах по участкам или компаниях на акциях» была одной из первых в мировой практике попыток кодифицировать акционерные законы.¹⁴⁰ Это обстоятельство и недостаточный опыт деятельности акционерных компаний в русских условиях, ясно ощущаемый в правительственных сферах, наложили свой отпечаток на закон 1836 г. Ряд его положений имеет страшный характер. Решение многих вопросов перенесено в уставы, что открывало правительству возможность в будущем при утверждении уставов отдельных компаний как бы вносить в общий закон необходимые коррективы в зависимости от обстоятельств. В целом в процессе разработки и обсуждения закона 1836 г. число разного рода ограничений увеличилось. В изве-

¹³⁸ Размер и срок вложений могли изменяться в широких пределах; от акционера не требовалось непосредственного участия в руководстве предприятием; наконец, участие в акционерном предпринимательстве представителей всех без исключения кругов правящих классов положительно расценивалось как общественным мнением, так и правительством.

¹³⁹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 55 об., 75 об. (ф. 1159, оп. 1, д. 86, л. 343 об.).

¹⁴⁰ В Пруссии это было сделано в 1843 г., в Англии — годом позже, во Франции — в 1856 г. (А. И. Каминка. Акционерные компании, СПб., 1902, стр. 225, 267, 295).

стной степени обилие ограничений было связано с надеждами законодателя (как показала последующая практика акционерного учредительства, тщетными надеждами) на безусловную действительность этих ограничений и на возможность силой закона предупредить или нейтрализовать отрицательные явления в деятельности акционерных компаний (спекулятивные сделки с акциями, образование фиктивных компаний и т. д.). Вопрос о целесообразности и возможности отмены разрешительной (концессионной) системы учреждения акционерных компаний в процессе разработки закона 1836 г. не поднимался. Эта система составляла основу и суть закона. Отчасти это было связано с тем, что предоставление компаниям особых прав и привилегий, сопутствовавшее в то время учреждению большинства компаний, требовало именно такой процедуры. Но вместе с этим преследовалась и другая цель. Посредством сепаратного законодательства (уставов) открывалась возможность обхода ограничительных положений общего акционерного закона, а затем — и торгово-промышленного законодательства вообще.¹⁴¹ Позднее, в конце 1899 г., это было официально признано Министерством финансов. В подготовленной Департаментом торговли и мануфактур справке для министра финансов С. Ю. Витте указывалось, что «в случае введения явочного порядка (учреждения акционерных компаний — *Л. Ш.*) невозможны будут какие бы то ни было отступления от приведенных законов»; между тем такие отступления оказывались необходимыми и действительно практиковались для 70% учреждаемых компаний.¹⁴² В этом отношении сохранение разрешительной системы имело относительно прогрессивное значение. Указанное выше обстоятельство (возможность обхода ограничительных положений общих законов) превращало сепаратное акционерное законодательство в важнейший рычаг акционерной политики царизма. Фактически этот рычаг, а вместе с тем и судьба каждой акционерной компании оказывались в руках бюрократии. Открывалась возможность для многообразного сращивания акционерных компаний с царской бюрократией — явление, весьма характерное для всей последующей истории акционерного предпринимательства в России. Создание минимально необходимых правовых условий для развития в стране акционерного учредительства с сохранением за царизмом эффективных средств воздействия на процесс этого учредительства — таков, коротко говоря, был смысл закона 1836 г.

¹⁴¹ Например, законоположений, ограничивающих права иностранцев на предпринимательство в ряде отраслей промышленности, права компаний на приобретение земельной собственности и т. п.

¹⁴² ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 125, лл. 76—77.